

воскресение. Петропавловск-Камчатский : Изд. «Камчатпресс», «Скрижали Камчатки», 2009. С. 182–189, 210–216.

4. ГАКО. Ф. 314. Оп. 1. Д. 2а.

5. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2306. Л. 275.

Е. А. Беседа СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ ЯПОНСКИЙ

Знать о нём возможно более подробно – долг всякого русского человека, потому что такие люди, как архиепископ Николай, гордость и украшение своей страны.

А. Платонова (1)

С давних времён люди устремлялись в неведомые земли. Территории были не изучены, и их предстояло исследовать. Такие поездки требовали напряжения душевных и умственных сил, невероятной выносливости. По традиции, которая уходила корнями в эпоху Петра I, будущие наследники российского престола хотя бы раз в жизни должны были совершить длительное путешествие по миру в образовательных целях. Огромные расстояния по суше и морю приходилось преодолевать и российским миссионерам. Они старались вселить православную веру в душу других народов. Вся Россия знала о миссионерском служении святителя Иннокентия (Вениаминова) – путешественника, переводчика, основателя городов, строителя храмов. Святитель Николай Японский (в миру Иван Дмитриевич Касаткин) избрал местом миссионерского служения Страну восходящего солнца.

1 (14) августа 1836 г. в семье сельского диакона Вельского уезда Смоленской губернии Дмитрия Касаткина родился мальчик Ваня. Места эти славились богатыми лесами, бурной речкой Березой, величественным храмом, возвышающимся над селом. Здесь же находились родовые имения адмиралов Скрьдловых, Васильевых, знатного помещика Рачинского... С отроком Леонтом Скрьдловым Иван Касаткин водил дружбу. Отец Леонта и Николая Скрьдловых, морской офицер Илларион Николаевич Скрьдлов, был известен и как создатель Кронштадтской Морской библиотеки. Иван ходил в народную школу, которую содержала семья Рачинских. «Ровесники спрашивали Ивана: “Отцовскую ляжку тянуть будешь?” На что он отвечал: “Моряком стану. Думы мои на море наострены”» (2, с. 4).

Но отец Вани отвратил мечты своего сына от судьбы моряцкой, и бойкий парнишка был послан учиться в Вельское духовное училище, а затем в Смоленскую духовную семинарию. Иван закончил её с отличием – и не только от усердия, но и от понимания, что средств к дальнейшему его образованию у отца нет.

В августе 1857 г. Иван Касаткин в числе лучших учеников отправился в Санкт-Петербургскую духовную академию. «Спустя годы семинариста Касаткина, ставшего студентом престижного учебного заведения, посетил Леонтий Скрьдлов, выпускник Морского кадетского корпуса. И с порога вопрос с подковыркой: “Ты же, Иван, мечтал хлебать матросский борщ? Как же так?” Касаткин ответил достойно: “Бороздить моря и океаны можно и корабельным священником”» (2, с. 4).

В канун окончания 4-го курса на доске учебных расписаний появилось объявление Святейшего Синода, в котором говорилось, что в далёком японском городе Хакодате открылась вакансия священника при Российском императорском консульстве. Желавшие посвятить себя миссионерству во имя Православной церкви, могут подать прошение в Санкт-Петербургскую патриархию. В своё время на юношу произвели сильное впечатление воспоминания Головнина о Японии, но только во время богослужения в храме ему вдруг стало совершенно ясно, что это Сам Господь призывает к служению в далёкой восточной стране. Не отпугнуло Касаткина и жёсткое требование, выдвинутое консулом в Хакодате Иосифом Антоновичем Гошкевичем, к кандидату на вакансию. После богослужения Иван Касаткин направился к ректору академии, преосвященному Нектарию, и заявил ему о своём желании ехать в Японию, но не женатым священником, а монахом (по свидетельству будущего просветителя Японии, ему до того времени никогда и в голову не приходила мысль о монашестве). Молодой человек учился блестяще и в академии; предполагалось, что он останется при академии для подготовки к профессорской деятельности. Ректор академии очень сочувственно отнёсся к порыву юноши и доложил о его желании митрополиту.

Однокурники по академии всегда знали Ивана Касаткина как веселого и жизнерадостного

юношу, который, по его же признанию, совсем недавно весело отплясывал на свадьбе у родственников. И вдруг именно он, неожиданно для всех, принимает решение постричься в монахи...

Иван, студент академии, навсегда прощается со своим именем, становясь иноком Николаем. 24 июня (ст. ст.) 1860 г. в академическом храме Двенадцати Апостолов юноша был пострижен епископом Нектарием в монахи. 29 июня (ст. ст.), в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла, Николай был рукоположен в иеродиакона, а на следующий день, когда праздновался Собор Двенадцати Апостолов (престольный праздник академической церкви), – в иеромонаха. Руководство академии давно видело и набожность Касаткина, и его недюжинные успехи в овладении богословскими и светскими науками.

Благословляя молодого иеромонаха на предстоящее ему служение, ректор академии, преосвященный Нектарий, сказал, что с крестом подвижника он должен взять посох странника, что вместе с подвигом монашества ему предлежат и труды апостольства. На этой церемонии присутствовали оба брата Скрыдловых – Леонт и Николай.

В самом конце июня иеромонах Николай покинул Петербург и три дня провёл со своими родными в деревне. Взяв с собой Смоленскую икону Божьей Матери (Одигитрия, что означает «Путеводительница»), с которой миссионер не будет расставаться всю жизнь, иеромонах Николай отправился в путь.

Утомительное путешествие в Японию продолжалось почти год, через всю Сибирь в трясу-чей кибитке.

В Николаевск-на-Амуре иеромонах Николай добрался поздней осенью исхудавший и полубольной. Был принят владыкой Иннокентием, архиепископом Камчатским, Курильским и Алеутским, к тому времени награждённый орденом святого Александра Невского (за неутомимые подвиги на пастырском поприще в отдалённом крае Отечества), путешественником, переводчиком, первопроходцем, историком. По рекомендации Высокопреосвященного Иннокентия иеромонах был устроен на жительство в семью Макаровых. Флотский поручик Осип Фёдорович Макаров имел свой дом, а его младший сын Степан обучался в местном морском училище.

Святитель Иннокентий (Вениаминов), в будущем митрополит Московский и Коломенский, апостол Америки и Сибири (святой Русской и Американской православных церквей) имел бесценный опыт миссионерского служения. Зная не понаслышке о трудностях служения, архиепископ потечески принял молодого миссионера. Он много полезного советовал ему: говорил он о том, что необходимо принимать участие в бытовых и культурных нуждах паствы, обучать неизвестным им ремеслам и даже стараться лечить их. Помог опытный наставник батюшке и в житейских делах.

«– Есть ли у тебя ряса? – спросил как-то Владыка отца Николая.

– Конечно есть, – был ответ.

Однако академическая ряса не понравилась святителю Иннокентию.

– Поедешь в Японию, все будут смотреть, какой-де он, что у них за священники. Нужно сразу внушить им уважение. Покупай бархат.

Материя была приобретена, и Владыка сам выкроил рясу для отца Николая.

– Вот, так-то лучше будет. А есть ли крест?

Креста еще не было, батюшка должен был получить его в Хакодате.

– На, возьми этот, – сказал Владыка, надевая на шею отцу Николаю наградной бронзовый крест за Русско-турецкую кампанию. – Хоть и не совсем по форме, да все-таки крест, а без него являться к японцам не годится. Да и не одни японцы, но и европейцы будут смотреть.

...Иеромонах Николай (Касаткин) отправился в Японию, а святитель Иннокентий, как только вскрылся Амур, уехал в Благовещенск. Они простились, не думая, что вскоре снова увидятся» (3, с. 138).

2 июля 1861 г. молодой миссионер на пароходе «Амур» прибыл к месту своего служения в город Хакодате. Русская консульская церковь находилась в ведении епископа. Скоро он убедился, что сразу невозможно было приступить к проповеди Евангелия, ибо японцы «смотрели на иностранцев, как на зверей, а на христианство – как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только преступники... Мало того, и правительство издало такой указ: “Если бы Сам христианский Бог появился в Японии, то и Ему голову долой”» (4, с. 62).

Архиепископ Иннокентий, вернувшись из Благовещенска, попытался выехать на Камчатку. Сильная буря помешала этим планам: судно разбилось, но все плившие на нём сумели спастись. Начальник русской эскадры Лихачев, прибывший к месту крушения на пароходе, предложил архиепископу плыть в Японию, а оттуда он обещал помочь добраться до Камчатки.

«9 сентября рано утром Святитель Иннокентий со своими спутниками прибыл в японский порт Хакодате, на острове Хоккайдо. Теперь Высокопреосвященного принимал отец Николай. Владыка разместился в доме русского консула, а архиерейская свита – у батюшки. Иеромонах Николай только приступил к миссионерскому служению и недоумевал, как начать проповедь в таком закрытом обществе, как японское» (3, с. 140). Опытный миссионер помогал отцу Николаю советами, которые тот будет помнить всю жизнь.

Восемь лет ушло на то, чтобы изучить страну: язык, историю, литературу, культуру и обычаи тех, среди которых предстояло проповедовать. Иеромонах Николай изучил буддизм, синтоизм, конфуцианство. Он ходил по городу, посещал языческие храмы и слушал там буддийских проповедников. Приглашал и к себе буддийских жрецов-бонз и с ними прочитывал трудную для понимания буддийскую литературу. Первое время все с подозрением смотрели на молодого миссионера, видя в нем агента ненавистных европейцев. На него неоднократно натравляли собак и даже покушались на его жизнь.

Доброта, отзывчивость и кротость иеромонаха Николая постепенно победили все трудности. Мягкий юмор – это ещё одна из черт иеромонаха, которая привлекала к нему людей. Японцы почувствовали в нем друга, и он стал желанным гостем во многих домах.

Однажды отец Николай зашел в буддийский храм, чтобы послушать проповедников; храм был заполнен народом, сидевшим по-японски, поджав ноги. Бонзы стали усаживать своего гостя, но, на беду, не оказалось ни одного стула. Не долго думая, главный жрец подвёл иеромонаха Николая к жертвеннику, снял с него различные украшения и вежливо предложил посетителю сесть на жертвенник, к великому удивлению, почти ужасу растерявшегося миссионера. Этот случай подчеркивает, каким уважением у японцев пользовался отец Николай уже в молодые годы. Знал иеромонах Николай и английский язык, который постепенно становился международным. Историю Японии он знал лучше многих её жителей. Молодой миссионер в такой степени овладел японской письменностью, что мог читать средневековые буддийские сутры, недоступные большинству из местного населения.

В 1864 г. он обратился ко Христу первого японца. Это был синтоистский священнослужитель Такума Савабэ, бывший самурай. Он приходил к сыну русского консула в Хакодате для преподавания фехтовального искусства. Хмурый, сердитый, он всегда с такой ненавистью смотрел на иеромонаха Николая, встречаясь с ним в доме консула, что отец Николай однажды спросил его: «За что ты на меня так сердись?» Савабэ, демонстративно положив руку на рукоятку сабли, заговорил. «Вас, иностранцев, нужно всех перебить. Вы пришли сюда выглядывать нашу землю. А ты со своей проповедью больше всех повредишь Японии», – проговорил Савабэ, и глаза его сверкали злобой. Не было сомнения, что и сам он, не задумываясь, убил бы стоящего перед ним миссионера. «А ты разве знаком с моим учением?» – спросил иеромонах Николай. «Не знаю и знать не хочу», – ответил надменно Савабэ. «Но разумно ли, не зная чего-то, ругать?» – продолжал отец Николай. Японец смутился. Это был честный и прямой человек, не умевший лгать. Неожиданно последовало согласие со стороны японца: «Ну, говори!». Рассказ отца Николая был незабываемым для Савабэ.

«По мере того, как я говорил, – вспоминал потом святитель Николай, – лицо его прояснилось. Он достал из-за пояса тушницу, отложил саблю, достал из рукава бумагу и стал записывать. Через час или полтора это был совсем другой человек.

– Поговорите ещё, – просил он. И стал приходиться каждый день» (1, с. 203).

Уверовав во Христа, Такума Савабэ стал проповедовать о Нем и своим друзьям. Друг Савабэ, врач и конфуцианец по имени Сакай, не принимал это всерьёз. Тогда Савабэ привёл его к русскому священнику. Под влиянием бесед миссионера и Сакай стал христианином. И Савабэ, и Сакай были сизоку – дворянами. И, конечно, вокруг них собирались желающие узнать о новой религии. Через год новое учение присоединит и третьего собрата, врача Урано. Отец Николай не спешил крестить своих первых учеников, не желая подвергать их опасности: закон 1614 г., угрожавший смертной казнью за принятие христианства, в то время еще не был отменен. Нужно было также, чтобы время укрепило веру в душах новообращенных.

Между тем, Савабэ и его друзья, хотя еще и не просвещенные святым крещением, приняли с редким самоотречением за дело проповеди. Они устраивали у себя катехизаторские собрания. К весне 1868 г. насчитывалось до двадцати человек, мужчин и женщин, готовых принять крещение. В это время последовал правительственный указ, подтверждавший прежнее запрещение японцам принимать христианскую веру. Стало известным, что в Нагасаки началось гонение на христиан-католиков. Чтобы сохранить свою юную паству, иеромонах Николай решил разослать своих помощни-

ков в дальние области, но перед тем он крестил многих из них. Савабэ при крещении был наречен Павлом в честь апостола Павла, Сакай – Иоанном, а Урано – Иаковом. Разойдясь на время по разным областям, они продолжали проповедь о Христе.

Видя, что православие начало быстро распространяться, отец Николай в 1869 г. оставил свою паству на попечение своих верных помощников: Павла Савабэ, Иоанна Сакай и других, а сам отправился в Россию ходатайствовать об открытии в Японии духовной Миссии. Его ходатайство было удовлетворено не без решающего влияния митрополита Иннокентия (Вениаминова). 6 апреля 1870 г. Синод открыл в Японии Православную духовную миссию с центром в Токио в составе начальника, трех иеромонахов и причетника. Миссия находилась в ведении Камчатской епархии. Иеромонах Николай был назначен начальником Миссии с возведением его в сан архимандрита. Были отпущены также средства на содержание Миссии, попечителем которой до конца своих дней оставался митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов). Возвратившись в марте 1871 г. в Японию, отец Николай был порадован успехами проповеди Павла Савабэ и его друзей. Церковь Христова росла, несмотря на то, что проповедь все ещё была тайной.

В 1872 г. к архимандриту Николаю прибыл помощник, иеромонах Анатолий (Тихай), выпускник Киевской духовной академии. Оставив его в Хакодате, отец Николай сам переехал в столицу Японии Токио. Пришлось все начинать заново: подыскивать помещение, преодолевать недоверие и вражду населения. Но и здесь, как в Хакодате, бонзы вскоре стали его первыми друзьями. Проповедь в Токио шла успешно.

Официальное функционирование Русской духовной миссии по времени совпало с открытием в Токио Российского императорского генерального консульства. Поверенным в делах был назначен Е. К. Бюцов, с которым святитель Николай пять лет находился в добрых отношениях в бытность их обоих в Хакодате. Здесь, в Токио, при Миссии архимандритом Николаем были созданы духовная семинария, катехизаторские школы, женское и причетническое училища, уже зарождались церковные станы в Киото и Нагасаки, чуть позже – в Хёго и Иокогаме. Строилась консульская церковь на пожертвования купца 2-й гильдии Петра Алексеева, бывшего матроса с клипера «Джигит».

Учебная программа семинарии, кроме необходимых богословских предметов, включала широкий набор светских дисциплин, среди которых были алгебра, геометрия, география, история, психология, философия, а также китайский и русский языки. «В начале XX в. семинария получила статус среднего учебного заведения Японии, лучшие выпускники которого отправлялись для продолжения образования в духовные академии и университеты России. Среди выпускников семинарии было немало учёных и деятелей просвещения, внёсших заметный вклад в культуру как Японии, так и России. Среди них был Йосибуми Куроно, ставший известным профессором Петербургского университета, перу которого принадлежит русско-японский разговорник и многие учебные пособия для студентов, изучающих японский язык. Такусабуро Горо был одним из авторов конституции императора Мэйдзи. Кенсусе Андо преподавал в Петербургском университете, а затем стал мэром Иокогамы. Нозому Накагава стал губернатором Осаки, а Хичисабуро Хирао – министром просвещения» (4, с. 77–78).

Воздвигнуть кафедральный собор в столице Японии Токио всегда было заветным желанием отца Николая.

В 1879–1880 гг. архимандрит Николай второй раз едет в Россию. Он вызван Святейшим Синодом, который возводит его в сан епископа (1880 г.). Митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов) настоял на том, чтобы в Японии была учреждена епископская кафедра, что и осуществилось в 1880 г. Епископ, преосвященный Николай, обходит святые места Петербурга, Москвы, заезжает для поклонения в Троице-Сергиеву лавру. Побывал епископ и на своей родине – в селе Берёза, где встретился со своими родными. Владыка очень хотел подарить что-нибудь своим родным и подрастающим племянникам, но они отказывались, так как понимали нужды миссионера, занятого сбором средств для Японской церкви. Сходил епископ Николай и к своему знакомому Сергею Александровичу Рачинскому, который скоро станет попечителем и жертвователем православной церкви в Японии, а также духовным отцом одного из слушателей семинарии в Токио. Навестил епископ Николай и семью известного адмирала Скрыдлова. Епископ Николай посещает Казань, Киев, Одессу. Собирает добровольные пожертвования на строительство храма в Токио и спешит в Японию – в свой, теперь уже навсегда, дом. Больше он в Россию не приезжал. Оставшиеся ему 32 года земной жизни он безвыездно прожил в Японии. По дороге в Японию, возвращаясь пароходом Добровольного флота, епископ Николай навестил Палестину, поклонился Гробу Господню, привёз пальмовую ветвь, как делали все российские паломники.

К 1884 г., набрав необходимую сумму (триста тысяч рублей), Николай закупил участок земли на вершине холма Суруга-дай в Токийском районе Канда.

В марте 1884 г. началось строительство кафедрального собора Воскресения Христова. Пришлось делать тяжелейшие насыпные работы и особенно тщательно созидать фундамент, ведь землетрясения беспокоили Японию во все времена.

Но трудности строительства ничто по сравнению с той кампанией вражды и клеветы, которая обрушилась на святителя. Говорили, что он шпион и что воздвигает храм недалеко от дворца императора, чтобы император был у русских всегда на виду. Предлагали насыпать гору между дворцом и храмом. Предлагали купить храм за миллион рублей. И, конечно, предлагали вообще снести его, взорвать, уничтожить.

Семь лет шла стройка, которая завершилась освящением собора 24 февраля (8 марта по новому стилю). В этот день специально выпущенный из России искусный звонарь ударил в колокола собора. Неслыханный звон как будто с небес раздался над столицей Японии. Поражённые небывалым звоном, японцы стекались отовсюду. При ближайшем рассмотрении была заметна величавая схожесть с Морским собором во имя Святого Николая Чудотворца, покровителя моряков, на Якорной площади Кронштадта. Это было замечательное храмовое здание, одно из самых высоких в городе, которое сразу привлекло к себе внимание не только жителей столицы, но и всех японцев. В период «Мэйдзи» собор стал предметом художественного творчества. Его упоминали в поэмах, стихах, песнях. В воображении народа он стал символом христианства в Японии. Торжественные богослужения, расписанные фресками стены, антифонное хоровое пение привлекали в собор множество людей. Студенты токийской музыкальной академии «Уэно» присутствовали за богослужениями почти каждое воскресенье. Выпускник Петербургской консерватории по классу скрипки Йо-хиносин Кису, известный введением этого инструмента в музыкальную культуру Японии, с 1893 г. пятьдесят лет проработал регентом соборного хора.

И сегодня в Японии Воскресенский собор, отлично вписавшийся в городской пейзаж японской столицы, называют «Николай-до» «Храм Николая» (дословно «Никорай-до», ведь в японском языке, в отличие от других, нет звука [л]). Увы, в первоначальном виде собор не сохранился. В 1923 г. здание серьёзно пострадало от разрушительного землетрясения. К 1929 г. храм был восстановлен японским строителем Синъитиро Окада, который не удержался и внёс некоторые коррективы в первоначальный вид собора. Изменения затронули купол, колокольню и часть интерьера, но в целом храм сохранил многое из первоначальных задумок петербургского архитектора А. Шурупова.

Предполагают, что в настоящее время в кафедральном соборе Воскресения Христова и других православных храмах находится от 100 до 250 произведений Рин (в крещении Ирины). И хотя много её работ погибло во время землетрясения 1923 г. и Второй мировой войны, часть их продолжает служить людям. В марте 1881 г. Ирина (Рин) прибыла в Петербург учиться иконописи и стала первой женщиной-японкой, приехавшей учиться в Россию. Увы, но Ирине пришлось столкнуться с тем, что не все люди такие, как епископ Николай. По будням девушка училась в иконописной мастерской, а свободное время проводила в Эрмитаже, копируя выставленные там картины.

В собрании Государственного Эрмитажа сохранилась единственная, находящаяся на территории России, работа кисти Ирины (Рин) Ямаситы. Это икона «Воскресение Христово», которую епископ Николай передал на корабль наследнику российского престола Николаю Александровичу (впоследствии царь Николай II) в 1891 г. во время его посещения Японии. Знаменитым мастером Ясудзи Такаи для иконы был изготовлен деревянный оклад в японском стиле. Предполагалось, что икона будет подарена наследнику российского престола в Токио, но в японскую столицу цесаревич Николай не поехал. Во время путешествия по Японии царственной особы из России вместе с греческим принцем Георгом и японским Арисугава Такэхито, в г. Оцу, где из-за узости улиц конные повозки пришлось заменить рикшами (повозками, которые тянет за собой, взявшись за оглобли, человек, иногда два человека), на цесаревича Николая было совершено нападение. Полицейский по имени Цуда Сандзо, который вместе с другими полицейскими должен был охранять процессию, шагнул вперёд и с размаху ударил цесаревича Николая саблей по голове. Цесаревич выпрыгнул из повозки, но злодей продолжал его преследовать с саблей наголо. Греческий принц Георг успел своей тростью сбить с ног злодея, которого пытались задержать, но тот только выронил саблю из рук. Сандзо пытался затеряться в толпе, но был схвачен сумевшими сориентироваться в сложной обстановке рикшами (получили награды из России и Японии, денежное довольство). Цесаревич Николай был ранен, но остался жив. Цуда Сандзо на судебном процессе был приговорён к пожизненному заключению. Некоторые японцы выступали с призывами переименовать город Оцу. Чрезвычайное

происшествие привело к тому, что в японском правительстве поднялась страшная паника. Многие члены правительства боялись, что разгневанная Россия потребует огромных выплат и даже территориальных уступок. Император Японии попросил для улаживания конфликта направить русского миссионера в Японии епископа Николая, пользовавшегося большим уважением среди японцев. Епископ прибыл; он также выступал между японским императором и российским наследником в качестве переводчика.

Цесаревич Николай прервал визит и вернулся в Россию. Через некоторое время епископ Николай получил весть, что икона «Воскресение Христово» дошла до адресата. Первоначально икона находилась в Аничковом дворце, а после коронации была перенесена в Зимний дворец. После 1917 г. икона оказалась в экспозиции Эрмитажа.

В 1887 г. Николай Скрыдлов был назначен командиром фрегата «Дмитрий Донской», на котором он «отправился на Дальний Восток, где его привлекли к работе в Комиссии по планированию военных действий на море на случай войны с Японией...» (1). Военные корабли Японии активно покупала у Великобритании и старалась строить на верфях свои.

В этом году капитан 1 ранга Николай Скрыдлов, командуя фрегатом «Дмитрий Донской», приводит свой фрегат в японский порт Иокогама. Известный японский миссионер встречал своего земляка и товарища в церкви при российском посольстве в Токио. «Теперь они были уже не мальчиками Ваней и Колей, а солидными людьми, и к ним надо было обращаться согласно “Табеля о рангах”: к капитану 1 ранга Скрыдлову “Ваше Высокоблагородие”, а к епископу Николаю “Ваше Преосвященство”» (5). Прошло двадцать семь лет с момента их последней встречи и судьбе угодно было снова ненадолго соединить двух неутомимых тружеников на своих поприщах.

Уже с начала 1900 г. правая японская пресса открыто стала называть православных японцев изменниками и предателями. Вскоре православное японское население станут называть «Николаи но яцу» «николаевские негодяи». Зазвучат требования физической расправы над их епископом. С первых дней начала вооружённого конфликта между Россией и Японией во многих газетах православные общины стали объявляться центрами шпионажа, где молятся о поражении Японии. Увы, но и в России появились заметки, где говорилось о том, что Николай Касаткин является... японским шпионом.

В 1904 г. российское посольство в Токио было закрыто, и все русские покинули страну. Уже немолодой владыка, рискуя своей жизнью, принимает решение не бросать свою паству. На Соборе Японской Церкви преосвященный Николай разяснил своей пастве, каково должно быть её духовное отношение к происходящим событиям. Эти мысли ясно изложены в его «Окружном письме к христианам для успокоения Церкви, встревоженной объявлением войны Японии с Россией».

Известие от 31 марта 1904 г. о трагической гибели вице-адмирала Степана Осиповича Макарова на броненосце «Петропавловск» ошеломило всех россиян. Это была невосполнимая утрата для всего Российского флота и для тех, кто был знаком с вице-адмиралом. Святитель Николай знал Степана Осиповича, так как в г. Николаевске по дороге в Японию жил в семье его отца. Серьёзной утратой стала гибель командующего Тихоокеанским флотом для Николая Скрыдлова, которому довелось служить на Дальнем Востоке под началом тогда ещё капитана 1 ранга С. О. Макарова. В 1888 г., когда Николай Скрыдлов находился на Тихом океане, не стало его старшего брата – морского офицера Леонтия (Леонида) Скрыдлова.

Император Николай II назначает Николая Илларионовича Скрыдлова, как самого достойного кандидата, командующим флотом в Тихом океане. Николай Илларионович из Севастополя пытается добраться до Порт-Артура, в котором находятся основные силы флота. К сожалению, это не удаётся, так как южная часть КВЖД (Китайско-восточной железной дороги) отрезана японскими войсками. Пришлось изменить курс и отправиться во Владивосток. И всё же Николай Илларионович Скрыдлов сумел организовать два похода крейсеров в Корейский пролив и удачный набег миноносцев на японские коммуникации.

После окончания Русско-японской войны Николая Илларионовича снова вернули на Черноморский флот.

Святитель Николай, на долю которого выпали тяжёлые испытания в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., перенёс их с честью, чем изумил японцев.

Являясь единственным официальным лицом, представителем России, святитель Николай сделал всё, что было в его силах, чтобы спасти жизнь, физическое и душевное здоровье 73 тысяч русских военнопленных, попавшим в Японию после сахалинских поражений российской армии. Из больших и малых городов Японии, где находились россияне, в Токио поступали просьбы

прислать к ним православного священника. Военное министерство Японии отказалось допустить к ним епископа Николая. Под его руководством православные японцы создали «Общество духовного утешения военнопленных». Сам владыка всячески стремился отвлечь пленных от уныния, отвечал на их письма, снабжал различными книгами, научной и духовной литературой; обеспечил лагеря священниками, знающими русский язык.

В феврале 1906 г. святитель узнаёт, что отправка военнопленных в Россию завершена.

В апреле 1906 г. епископ Николай был возведён в сан архиепископа. Из года в год, на протяжении 50 лет, исключая поездки, рабочий день святителя был не менее шестнадцати-восемнадцати часов (а в поездках и все двадцать).

В декабре 1911 г. он слег и больше не вставал. Хотя вникал в дела церкви, пытался работать (и работал) над переводами, много молился. Не спал от страданий, сидел всю ночь в кресле.

3 (16) февраля 1912 года святителя Николая не стало. И здесь не только христианская, но и вся многоконфессиональная Япония как будто сплотились в единой скорби, все поняли, какой великий человек ушёл от них и как много он сделал для их страны. Ведь уже давно не надо было объяснять дорогу к русской миссии, достаточно было сказать «Николай», и любой рикша привозил к храму. Все русское называлось «Николай», даже сама вера православная.

Вообще то, что недоверчивая Япония из всех стран более всего тяготеет к России, это прямая заслуга святителя Николая.

Русская православная церковь 10 апреля 1970 г. причислила святителя Николая к лику святых с наименованием «равноапостольный». В Японии он уже давно почитается как великий праведник.

1. Епископ Александр (Милеант) [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www. URL: http:// pravmir.ru/svyatitel-nikolaj-yaponskij/](http://pravmir.ru/svyatitel-nikolaj-yaponskij/). 4.02.2016 г.

2. Гузанов В. Святитель Николай Японский [Текст] / Виталий Гузанов // Япония сегодня. 1999. № 7. С. 4–6.

3. Путешествия и подвиги святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Америки и Сибири [Текст]. М. : Даниловский благовестник, 1999. 160 с. : ил.

4. Филяновский И. Держись мира и сотвори любовь: Очерки из истории русского православного миссионерства XIX–XX веков. М. : Православная педагогика, 2002. 192 с.

5. Гузанов В. Деревня Берёза Оленинского района – родина двух выдающихся личностей: Николая Японского и адмирала Николая Илларионовича Скрыдлова [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www. URL: http:// rzhev-press.ru/?module=articles&action=view&id=1478](http://rzhev-press.ru/?module=articles&action=view&id=1478)

В. И. Борисов МАРШРУТ Э. К. БЕЗАЙСА, УЧАСТНИКА ЭКСПЕДИЦИИ Ф. П. РЯБУШИНСКОГО, в 1908 г.

В 1908 г. на полуострове начала работу научная экспедиция Императорского Русского географического общества, снаряженная по инициативе известных русских ученых Ю. М. Шокальского и П. П. Семенова-Тян-Шанского на средства мецената Ф. П. Рябушинского.

Бурное развитие капиталистических отношений в начале XX в. стимулировало вовлечение в общерусский рынок территорий далеких окраин.

После Русско-японской войны 1904–1905 гг., по итогам которой Россия потеряла в том числе и южную часть Сахалина, роль Камчатки, как рыбопромыслового района, резко возрастает. Заключенная в 1907 г. рыболовная конвенция разрешала японским рыбакам лов рыбы в территориальных водах России. Иностранцы рыбопромышленники могли практически бесконтрольно вывозить на свои рынки высококачественную рыбопродукцию, получая огромные барыши.

Экономическая и политическая экспансия японского капитала на наиболее богатую в сырьевом отношении территорию – полуостров Камчатка – была очевидна. В быстром росте новых экономических отношений в Стране восходящего солнца известное место занял и камчатский лосось.

Камчатка все еще оставалась малонаселенной территорией, где отсутствовала какая-либо промышленность. Не было дорог, население было занято рыбным промыслом и охотой на соболя, который обменивался на товары первой необходимости. К моменту образования области в 1909 г. не-